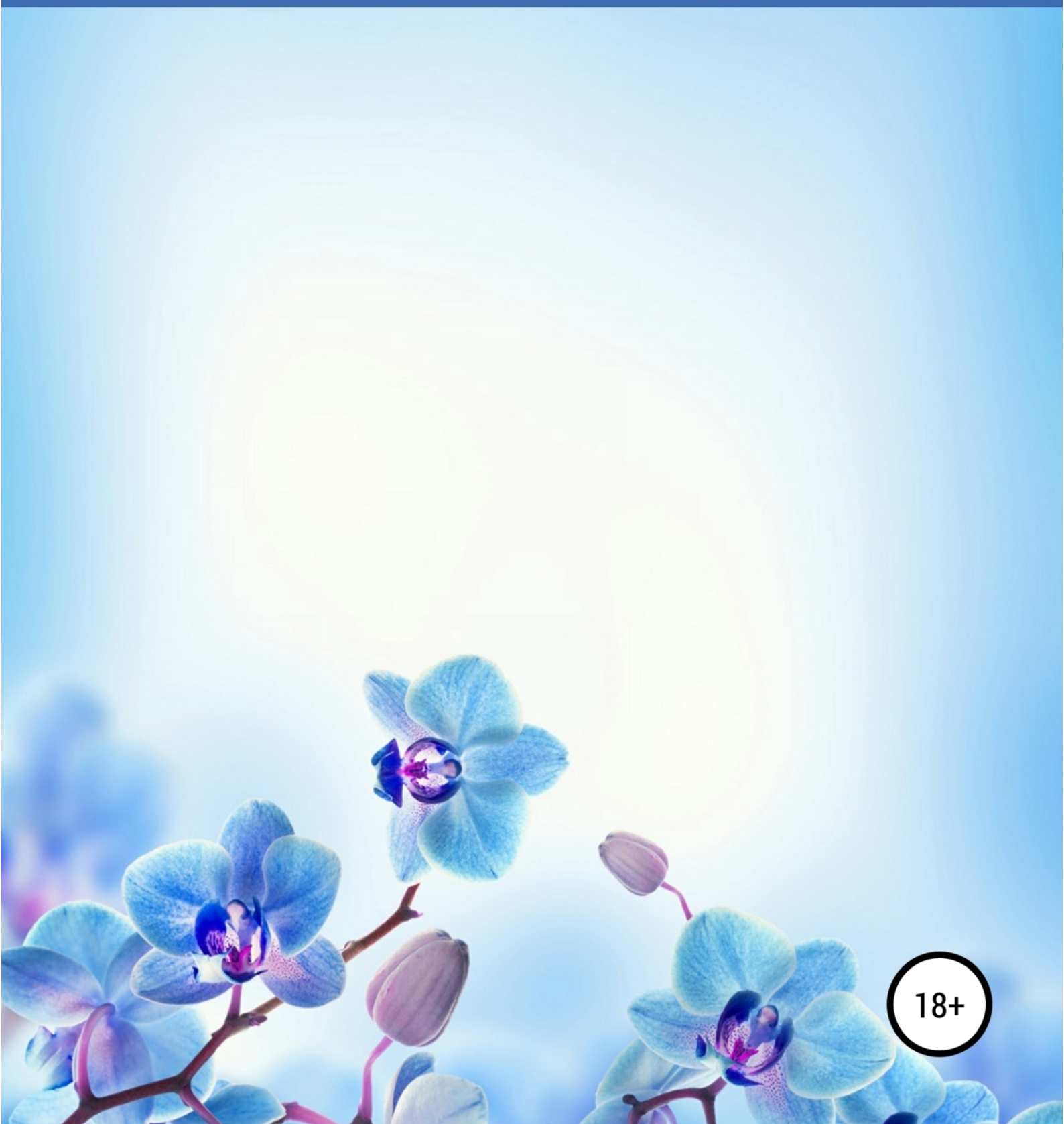

Лариса Порхун

ДОЧКИ-МАТЕРИ

18+

Лариса Порхун
Дочки-матери

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Порхун Л.

Дочки-матери / Л. Порхун — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Алька - современная женщина, которая, "земную жизнь пройдя до половины", всё чаще задумывается о своих корнях, о том, кто она, откуда пришла и куда направляется. Она вспоминает, сравнивает и анализирует. Пытается делать выводы. Повесть написана ярким, живым языком, где автор с известной долей юмора, а зачастую и драматизма делится своими впечатлениями о своих родителях, тётках, бабушках и сестрах.

Лариса Порхун

Дочки-матери

1

В доме с самого утра творилось что-то невообразимое! Все бегали, носились со стаканами, тарелками через двор во времянку и обратно, хлопали дверями, смеялись, болтая и перебывая друг друга. Эта суета продолжалась скорее по инерции, чем по необходимости, т.к. все было готово к приезду молодых и их гостей. Сегодня Зойка (вторая по старшинству) первой из четырех дочерей Иваковых выходила замуж. Во дворе были накрыты столы, расставлены приборы. В центре, через небольшие промежутки, стояли плетенки, кувшины и салатницы с нарезанным хлебом, домашними соленьями, компотом и винегретом. Бутылки «Московской», несколько банок консервов «Шпроты в масле», и дополнительная стопка тарелок с тоскливой бледно-голубоватой надписью «Общепит», были сосредоточены на краю стола и находились под строгим надзором старших тетушек – Матрены и Любы.

В летней кухне, с помощью матери и двух-трех ближайших соседок дожаривались оставшиеся партии телячьих котлет (в честь такого события забили бычка), из огромной, дымящейся кастрюли (выварки) раскладывался по мискам свежесваренный картофель. Этот свадебный день в начале осени выдался солнечным и безветренным. Но хотя было довольно тепло и отцом до конца ещё не был снят виноград, чьи тяжелые розово-фиолетовые гроздья с седым напылением, то и дело попадались на глаза среди пожухлых листьев, – все понимали, что очередное жаркое и сухое казахстанское лето ушло в этом году безвозвратно, и с каждым днем будет только холоднее.

Нина и Вера – младшие Зойкины сестры сидели на лавочке в самом конце стола, поближе к воротам, встречая прибывающих гостей и, находясь в беспокойном ожидании свадебного кортежа. Это беспокойство проявлялось в том, что самая младшая из сестер – четырнадцатилетняя Верка, – длинноногая, худая девочка, с головы до ног усыпанная крупными, как горох, коричневыми веснушками, без конца выбегала за калитку глянуть, не едут ли. Затем она бегом возвращалась назад к сестре Нине, плюхалась на лавку рядом с ней и в который раз скороговоркой произносила:

– Пока нет, но, конечно уже скоро, скоро. Зато к нам идут дядь Ваня, с тетя Машей – нарядные, жуть! С цветами, прямо! – захлёбывалась Верка.

– Тише, ты, чуть лавку не перевернула – шикала на неё семнадцатилетняя Нина. Она тоже находилась в предвкушении чудесного действия, и еле сдерживалась, чтобы не вскочить и не броситься самой к воротам, на ходу обгоняя долговязую Верку. Но, во-первых, ей скоро 18, а взрослым девушкам не пристало носиться по двору, как малышне, во-вторых бездетные тетушки с того конца стола уставились на неё и о чем-то говорят, наверное сплетничают про них с Петькой, в-третьих, охота была туфли сбивать новые. Невысокая, плотная, коротко стриженная Нина в повседневной жизни была медлительной и неактивной. Некоторое время Верка сидела молча, от волнения и переизбытка чувств, исполняя какую-то немислимую чечетку, после чего срывалась и опять бежала к калитке. Нина оживилась, – из дома вышла Людмила – старшая сестра и остановилась под виноградником. Люде шел двадцать второй год, в простой светлой кофточке и темной юбке, с прической «каре», она выглядела очень мило и напоминала актрису Веру Алентову из фильма «Москва слезам не верит», который выйдет на экраны только через девять лет.

– Люд, иди сюда! – позвала Нина. Мельком глянув на сестру, Людмила неопределенно махнула рукой и пошла за дом, в сторону огорода. «Вот, бедная, переживает, – глядя ей вслед, думала Нинка, – Ещё бы, кто угодно запереживает, если твоя сестра, которая младше тебя на

два года выскакивает первой замуж. Вот и мама, расстроенная и тетки все время судачат об этом».

– Едут, едут! – завершала хором с остальными наблюдателями Верка. Тут все пришло в смятение: гости подхватились и всей толпой направились к воротам, тетушки, прикрыв сгоревший низ каравая (Матренин грех) фольгой и выложив его на рушник, двинулись туда же. Стали искать отца, которого нигде не было видно, мать с иконой для благословения молодых побежала на задний двор. Отец со старшей дочерью сидели на лавочке возле бани и о чем-то тихо разговаривали.

– Сашка, да ты чё! Нашел время болтать – приехали уж, идем! – как всегда скороговоркой выпалила Валентина.

«Кортеж» состоял из двух машин – желтой «копейки» с женихом и невестой, свидетелем и свидетельницей, водителем – хозяином машины, по совместительству мужем какой-то из тетушек и белого «Москвича», в котором ехало уже шесть человек. Именно в этом славном представителе «застойного» автопрома находились самые преданные из друзей брачующихся. Те кто рискнул в таком плотно укомплектованном виде прибыть на регистрацию брака Зои и Валерия в Алма – Ате, а затем, преодолев 40 км, примчаться в родовое гнездо невесты Зои, село Дмитриевку. И надо отдать им должное: все молодые люди вышли из машины, хоть и в слегка помятом, но приличествующем случаю, восторженно-приподнятом настроении.

Свадьба была в самом разгаре, когда Люда, страдающая от дикой головной боли, решила пойти в дом. Поеживаясь то ли от вечернего холода, то ли от цепких сочувствующих взглядов, она зашла в самую дальнюю из комнат – родительскую спальню и присела на кровать. Вообще-то мать отправила её сюда за таблеткой от головной боли, но такое облегчение было оказаться в тихом месте совсем одной, что совершенно, ни на что другое сил не осталось. Больше всего ей сейчас хотелось оказаться в своей комнате общежития пединститута, с беззаботными, веселыми соседками – Танькой и Ирккой. Вот уж кто точно своей милой болтовней, шутками и нескончаемыми историями отвлек бы её от грустных мыслей. Самое отвратительное – эти внимательные, жалостные, изучающе-дотошные взгляды родственниц, соседок-тетушек-кумушек: «Достаточно ли она страдает, оттого, что младшая сестра перескочила через неё и вышла замуж первой?», «Как сильно она ненавидит теперь Зойку?», «До конца ли осознаёт эта семья, что младшая перешла дорогу старшей?» и все в таком же духе. Люда и не думала ни о каком замужестве, и не знала, что есть что-то плохое в том, что младшая сестра раньше выходит замуж, чем старшая. До сих пор ей казалось, что люди принимают решение вступить в брак, несколько по иным причинам, вне зависимости от их возраста. Так она думала, до тех пор, пока ей не сказали, что она заблуждается, что думала она неправильно, что ей «перешли дорогу, неужели ты не понимаешь этого!?» Она злилась на себя, из-за того, что позволила всем этим необразованным сплетницам, над которыми сама всегда посмеивалась и в глубине души презирала, запудрить себе мозги и испортить настроение в такой важный для сестренки день. Тётка Мотя и за праздничным столом маму достала. Людмила видела, как мать украдкой вытирает слёзы, пока т. Матрена ей за что-то выговаривает. Невеста тоже это заметила и сидела, как на иголках. Но Зойка не была бы Зойкой, если бы спустила такое с рук старшей сестре своей матери. Она довольно громко «плевать, что всем слышно», поинтересовалась, каким образом тётя Мотя, которая много лет, заявляет всем о своих выдающихся кулинарных способностях, умудрилась сжечь свадебный кулич, т.е., именно то единственное, что ей вообще было доверено!? Разумеется, Матрена в долгу оставаться не собиралась, ещё чего, позволить племяннице-соплячке при всем честном народе крыть родную тетю!! Ну чего ж удивляться, Валькино отродье! На этом этапе всевозрастающей свадебной конфронтации, в дискуссию вступил и жених, пытавшийся пока что мирно, урезонить невесту, а затем её сестер, которые при виде усилившихся материнских слез единым оплотом встали на защиту мамы. Пришлось усаживать дядю Антона, теткингого мужа, который целых три раза пытался встать и даже начинал свою речь фразой

«Я не позволю..», что именно он не позволит и кому, оставалось загадкой похоже и для него самого, так как он, каждый раз после этой фразы, многозначительно поднимал вверх указательный палец, ритмично покачиваясь, и вместо продолжения глубокомысленно икал. После чего мягко и всепрощающе улыбаясь, обводил присутствующих взглядом, каким мудрый и добрый учитель смотрит на непослушных детей и, совершенно не замечая свирепого выражения лица своей жены, садился на место. Когда своё видение происходящего начали высказывать соседи и более отдаленные родственники, новоиспеченный муж Валерка, сильно занервничал и ушел проветриться в сторону близлежащей рощи. Обнаружив пропажу, а особенно заметив ехидную улыбку тетки Матрены, испуганные глаза сестер, все ещё заплаканное лицо матери (нашла время!) Зойка вскочила, убежала за дом и заперлась в бане. Что это был за протест, с какой целью он был произведен, скорее всего, она об этом знала не больше, чем дядя Антон знал продолжение своей фразы «Я не позволю..». Тем не менее, когда не занятые в дебатах приятели отыскиали в рощице и привели обратно Валерку, который, в свою очередь, деликатно постучавшись в баню, был немедленно впущен, конфликт рассосался сам собой, и мероприятие продолжилось, как ни в чем, ни бывало. Только отец так и остался курить на своем любимом месте, возле бани, на лавочке, у матери нет-нет, все еще набегали слезы, ну и у Людмилы ужасно разболелась голова. Все же остальное шло хорошо. Тетка Матрена даже вполне себе прозрачно намекнула Зойке с Валеркой о том, как здорово иметь добрую и понимающую родственницу, у которой всегда можно одолжить денег, на покупку, например, машины.

– В любое время! – уточнила она и подмигнула Валерке блестящим карим глазом, а затем движением головы презрительно указала на Зойкину мать и пустой отцовский стул рядом с ней, дескать, не им чета, в отличие от этих многодетных нищобродов Иваковых, мы-то, чай, скопили кой чего.

Обижаться на Зойку, а тем более ненавидеть сестру из-за того, что она решила выйти замуж за любимого человека! Что за мракобесие! Ну, случилось так, что сестра раньше встретила свою любовь, что ж теперь делать!? Люда улыбнулась, когда вспомнила, как они с Валеркой пришли к ней, упали на колени, умоляя её простить их и дать им разрешение пожениться. Она смотрела в их счастливые влюбленные лица и была искренне за них рада. Ей и в голову тогда не пришло, что это ставит её в какое-то унижительное или двусмысленное положение. Она училась на третьем курсе филфака, ей нравилось жить в городе, нравилась студенческая жизнь, хотя она, сколько себя помнила, всегда хотела быть портнихой, как мама. Валентина не только обшивала своих четырех дочек и трёх сестер, но и еще немного подрабатывала этим и брала заказы, а что – 1 р. 50 коп. за платье! Шила она просто, незатейливо, но быстро и качественно. Научил же её этому, муж Александр, который пришел с войны не один, а с немецким трофеем, швейной машинкой фирмы «Зингер», на которой не просто мог строчить, но даже шил сапоги. Мать была категорически против того, чтобы Люда шла в портнихи, – Хочешь, как я, всю жизнь слепнуть над машинкой? – интересовалась она у дочери. Впоследствии, когда Людмила Александровна, учитель русского языка и литературы с многолетним стажем, рассказывала об этом уже своей дочери, она всегда с некоторой горечью добавляла: «Что ж, а теперь я слепну над тетрадками!»

С самого раннего детства Люда всегда ощущала себя старшей, ответственной за себя, за сестер, за дом, за отца, за болезненную маму. Валентина часто и подолгу болела, свою младшую родила, будучи уже очень нездоровым человеком. Верочка была самой хрупкой и слабенькой из сестер. Когда Люде было двенадцать, мать опять положили в больницу. Старшая дочка пришла её навестить и выкладывала на прикроватной тумбочке сваренный ею домашний бульон, пирожки с капустой, пакет с яблоками. Валентина, притянув дочку к себе, громко зашептала, обдавая Людкино ухо, горячим, каким-то больничным дыханием.

– Доченька, ты совсем уж большая, понимаешь все, если вдруг со мной что, присмотри за девками. Верку не оставь, доченька, слышишь, малая она совсем, да хворающая вся... Люда

страшно конфузилась, в палате лежали еще четыре женщины, ей казалось, что все они прислушиваются к непростому разговору, происходящему между матерью и дочерью. Девочка беспомощно оглядывалась и все повторяла: «Конечно, мама. Не волнуйся, мама». В пятом классе, Люда уже доила корову, готовила еду, проверяла уроки у младших. В 13 лет сшила своё первое в жизни изделие – сарафан для Зойки. Никто её этому не учил, нашла выкройку, перенесла её на газету, сняла по всем правилам мерку с сестры, и получился сарафанчик – загляденье, с «крылышками» и пышной оборкой по подолу. Приехавшая из больницы мать, только ахнула, внимательно рассматривала диковинную модель, даже на изнанку вывернула, – все было выполнено на «отлично». Валентина только головой покачала: «Вот это да! И когда успела научиться?!» А удивляться было чему: Людка у неё родилась недоношенной. Они с мужем строили дом, и Валя, на седьмом месяце беременности подносила ведра с глиной, для обмазки стен. Вечером начались преждевременные роды, которые принимала Фёкла – Валина мать. Людочка родилась без ногтей, у неё отсутствовал сосательный рефлекс, а вместо плача, малышка издавала жалобный писк. Конечно, принимая во внимание стечение обстоятельств, да и обстановку того времени в целом, то, что она не просто выжила, а довольно быстро превратилась в нормально развивающегося и смышлёного ребенка, иначе, как чудом не назовёшь. Баба Феня выходила (или как она сама говорила «вычухала») её в том числе и тем, что многократно купала (парила) на печке в травяных настоях.

Училась Люда всегда хорошо, зашкаливающий уровень ответственности просто не оставлял ей выбора. В школе, так же, как и в институте у неё была репутация цельного, трудолюбивого, с обострённым чувством справедливости человека. Наверное, это чувствовалось на каком-то ментальном уровне, потому что, когда требовалось независимое и честное мнение, обращались всегда именно к ней. Так было всегда. Люда не только мирила поссорившихся сестер, являлась третьей судьёй в школьных разборках, но и легко поступив в институт, все годы учебы единогласно избиралась старостой, каким-то образом умудряясь координировать и налаживать взаимодействие между деканатом и их курсом, преподавателями и студентами, между однокурсниками. Как у любой медали две стороны, так и у любых, казалось, без сомнения, положительных качеств, есть обратная сторона. Пользуясь вполне заслуженным авторитетом, как у студентов, так и у преподавателей, Люда, тем не менее, не могла похвастаться большим количеством друзей или избыточным вниманием к себе со стороны противоположного пола. Отчасти, это происходило из-за наличия в её характере тех качеств, за которые её ценили и уважали. Такие черты, как прямолинейность, доходящая нередко до крайности, честность, абсолютная неспособность хитрить, изворачиваться и подстраиваться, делали её неудобной подругой, равно, как и не способствовали завязыванию романтических отношений. И скромным «ботаникам», и блистательным «физикам/лирикам», и признанным «дон-жуанам», и интеллектуально не отягощенным представителям сильной половины человечества, – очень быстро становилось понятно, что с этой девушкой, нельзя просто, как выразились бы сейчас «замутить». Здесь и не пахнет легкими, ни к чему не обязывающими отношениями, с ней или всерьез и надолго, или лучше вообще не начинать. У Людмилы имелись (пожалуй, чрезмерные) претензии к собственной внешности. Она терпеть не могла свои широкие плечи, длинные руки, излишнюю худобу, и, конечно, доставшиеся от бабы Фени, – матери, ей и Верке, знаменитые Иваковские веснушки. Баба Феня по этому поводу не сильно заморачивалась, так как зеркал у них в период расцвета её девичества, молодости и зрелости не водилось, а в не очень четком и благородно обманчивом водном отражении, Фёкла видела только милое, курносое личико, с длинной пушистой косой. Её дочь Валентина в этом направлении была осведомлена куда лучше, и это знание, время от времени, несколько омрачало её, по большей части, жизнерадостное и оптимистическое существование. Но особого беспокойства или неудобств не доставляло. Чего нельзя сказать о её дочерях, – Людмиле и Вере, которым наличие этих золотистых поцелуев солнца в немалой степени отравляло жизнь. Люда с сестрой, начиная с

младшего подросткового возраста, (каждая в свое время, разумеется), объявляли веснушкам беспощадную и непримиримую войну. Девчонки вооружались всеми имеющимися в их распоряжении средствами, начиная от огуречного лосьона и настоя ромашки, которыми протирали лицо, до цинковой мази и болгарского отбеливающего крема «Ахромин». Эти усилия имели, как правило, весьма незначительный и временный эффект, поэтому достигнув возраста, при котором в XIX веке, при обращении к ним, непременно использовалось бы слово «барышня», сестры регулярно применяли тональный крем. Люда рано начала шить себе сама, мать не любила этого делать из-за нестандартности фигуры старшей дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.